

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ЯВКА С ПОВИННОЙ ПОЛКОВНИКА КАДДАФИ

Владимир Орлов

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ # 1 (145), февраль 2004

© PIR CENTER

Владимир Орлов, директор ПИР-Центра, в своей статье анализирует последствия добровольного решения Ливии о полном отказе от ОМУ для Режима нераспространения и для международной безопасности. Дается оценка эффективности санкций ООН, влияние ливийской инициативы на другие страны Ближневосточного региона, стремящихся к обладанию ОМУ, а также позиции США и России.

19 декабря 2003 года, после десяти месяцев секретных переговоров с США и Великобританией, Ливия объявила, что отказывается от стремления к обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ), включая ядерное, и приступает к уничтожению имеющихся у нее компонентов ОМУ, а также средств доставки с дальностью, превышающей 300 км.

На следующий день Ливия начала переговоры с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Они привели к посещению Ливии генеральным директором МАГАТЭ Мохаммедом эль-Барадеи и решению Ливии подписать Дополнительный протокол к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

«Теперь Ливия будет играть свою международную роль в построении нового мира, свободного от оружия массового уничтожения и всех видов терроризма». – заявил лидер этой страны 61-летний Муамар Каддафи. «У нас нет ОМУ. Знаете, вокруг нас так много различных слухов, пропаганды, в то время как нам просто нечего прятать. В мире так много стран, которые обладают ядерными программами, но на самом деле лишь у некоторых есть ОМУ. Эти страны раскрывают свои ядерные программы. Так что я просто последовал их примеру», - уточнил г-н Каддафи. По его словам, Ливия «станет всего второй страной, после Южной Африки, которая разоружается добровольно».

Ливия ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1975 году. В 1980 году она подписала Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Страна входит в Зону, свободную от ядерного оружия в Африке (Договор Пелиндаба). Ливия также является участником Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО). В то же время, на протяжении трех последних десятилетий Ливийская Джамахирия неоднократно фигурировала в западных официальных и неофициальных экспертных списках государств, вызывающих обеспокоенность с точки зрения рисков распространения ОМУ и средств его доставки.

Подчас для этого имелись серьезные основания.

Так, во второй половине семидесятых годов Ливия, располагавшая тогда крупными запасами нефтедолларов, пыталась с помощью советских организаций создать полный ядерный топливный цикл, включавший и тяжеловодный реактор на природном уране, и установку по производству тяжелой воды. Хотя руководители советского правительства и атомного ведомства были готовы пойти на сделку (ливийцы предлагали сумму порядка 10 млрд. долл.), МИД заявил тогда о своем несогласии, и в конце концов разумный подход со

стороны Советского Союза возобладал. Ливия проявляла интерес к ядерному оружию, имевшемуся в Пакистане, стремилась развивать ядерное сотрудничество с Бельгией, Аргентиной, Бразилией, часто преследуя сомнительные цели.

Участие в КБТО не помешало Ливии продвинуться в работе над биологическим оружием. Как сегодня свидетельствуют представители американского и британского разведсообществ, Каддафи предъявил им «биологические агенты двойного применения, которые могут использоваться как законно (в гражданских), так и в военных целях».

Но где действительно Ливия смогла развить успех, так это в создании химического оружия. Не будучи участницей Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), Ливия на заводе «Рабта» произвела около 100 тонн отравляющих веществ, возможно, сохранив до настоящего времени около восьмидесяти тонн иприта: по крайней мере, познакомившиеся с ливийским ХО американцы и англичане говорят о «десятках и десятках тонн», правда, производства «десятилетней давности». В отличие от ядерной программы, наличие в Ливии продвинутой программы ХО не стало для экспертов новостью.

Наконец, Ливия проявляла интерес к повышению дальности собственных средств доставки, сотрудничая, среди прочих, с КНДР, Индией, Ираном, КНР и Сербией.

Если декабрьские заявления о намерениях со стороны Ливии обретут форму конкретных договоренностей по демонтажу имеющихся и создававшихся арсеналов, - а, похоже, для этого сейчас нет препятствий, - то мы станем свидетелями беспрецедентного шага, когда государство прекратит все свои военные программы в области ОМУ и средств доставки, поставит их демонтаж под международный контроль.

Конечно, сравнение с Южной Африкой не вполне корректно: та добровольно уничтожила ядерные боеприпасы, отказавшись от статуса, пусть и незаявленной, но все же ядерной державы. Каддафи расстался с несравнимо более скромными наработками.

В отличие от химической, ядерная программа Ливии на момент заявления Каддафи о *явке с повинной* находилась на самой начальной стадии. М. Эльбарадей считает, что Ливия была на расстоянии от трех до семи лет от момента обладания собственным ядерным взрывным устройством. Инспекторы МАГАТЭ не увидели ни обогащенного урана, ни готовой промышленной установки по обогащению. (А по свидетельству одного из побывавших в Ливии американцев, «их центрифуги работали и делали обогащенный уран»).

Не исключено, что инспекторов МАГАТЭ могут ожидать новые открытия, связанные либо с давним сотрудничеством Ливии с другими государствами, либо с недавними закупками Триполи уже на черном рынке. По словам сотрудников МАГАТЭ, уже увиденного ими в Ливии достаточно, чтобы у них открылись глаза на низкую эффективность международной системы экспортного контроля и на масштабы ядерного *черного рынка*.

Действительно, уже по тем скудным данным, которым мы обладаем сейчас, можно судить, как отдельные государства, прежде всего Пакистан, минуя международное давление и барьеры, поставляли Ливии центрифужное и иное оборудование. На отдельных компонентах могло значиться «сделано в Малайзии». Переправлялось оборудование через Дубай, уже давно ставший местом, свободным не только от пошлин, но и от ответственности для контрабандистов крупного калибра.

Степень вовлеченности отдельных государств, а также цепочек, состоящих из государств и негосударственных игроков в ОМУ- и ракетные программы Ливии еще предстоит скрупулезно изучить. Это, несомненно, лучше поможет понять, какие (видимо, по-прежнему широкие) возможности открываются перед теми, кто всерьез настроен на обладание ОМУ и средствами его доставки.

Каковы были мотивы полковника Каддафи? Прежде всего, он настроен на плавную передачу власти сыну Сейф-уль-Исламу, и, чтобы избежать потрясений и внешнего давления, он выбрал – еще в 1988 году – стратегический союз с Западом. В декабре ушедшего года этот поворот просто получил логическое завершение. Сейф-уль-Ислам ясно формулирует новую политику – свою и отца: «Этот шаг проложит путь к нормализации наших политических отношений с США и с Западом, а также ликвидирует какую-либо угрозу в отношении Ливии со стороны Запада и США, в частности». Особо заметим, что Ливия вступила в переговоры с США и Великобританией еще до начала войны в Ираке.

Будучи седьмым крупнейшим производителем нефти в мире и, скорее всего, находясь на одном и первых мест по ее запасам, Ливия *возвращается в капитализм*, открывая двери для испанских, итальянских, французских, а теперь британских и американских компаний. Дружба с СССР (никогда, впрочем, не бывшая устойчивой) – в далекой истории. Попытки сыграть первую скрипку в арабском мире у Каддафи провалились и вызвали его настолько глубокое разочарование, что развернули в сторону Черной Африки. В этой стране можно было много чего найти, но только не источник для экономического процветания. Поэтому *возвращение на Запад* было почти неизбежным. Президент США откликнулся на шаг Каддафи именно так, как и ожидали в Триполи: «Ее (Ливии) добросовестность будет вознаграждена».

Какие международные последствия может иметь ливийское добровольное разоружение?

Во-первых, - и это главное, - благодаря ливийскому прецеденту подчеркнуты преимущества *дипломатического* решения вопросов, связанных с распространением. Мы видим, что у дипломатии (пусть на начальном этапе и тайной) серьезные возможности. С ее помощью лучше удается вскрывать программы ОМУ в странах, вызывающих беспокойство, нежели с помощью военных операций

Во-вторых, решение Ливии демонстрирует эффективность санкций ООН как инструмента против государств, поощряющих терроризм или развивающих секретные программы в области ОМУ. Ведь крутой поворот в ливийской политике наметился под воздействием международных санкций, во многом был вызван именно ими. Нам видится симптоматичным, что передовица *The New York Times* наутро после объявления решения Каддафи отметила «ценность санкций ООН» против Ливии для принятия этой страной *нераспространенческого* выбора.

В-третьих, ситуация с Ливией должна означать большее вовлечение МАГАТЭ, ОЗХО, возможно, и других международных организаций. Примечательно и отрадно, что это уже происходит. Так, Ливия присоединилась к ОЗХО. Лидерство МАГАТЭ в демонтаже ливийской военной ядерной программы и в обеспечении контроля над полным и необратимым уничтожением всех ее компонентов должно быть неоспоримым.

В-четвертых, ливийское решение – это сигнал для тех государств в регионе Ближнего и Среднего Востока и в мире, которые все еще рассчитывают опереться на свои не

афишируемые ими программы в области ОМУ. Причем это в равной степени сигнал и для Сирии, которая теперь оказывается перед жестким и срочным выбором в отношении своей военной химической программы; и для Северной Кореи, которая ведет ядерные и ракетные игры с Соединенными Штатами и международным сообществом *на грани фола*; и для Израиля, который, благодаря протекции со стороны США, почему-то оказался выведен за рамки критики, а вместе с тем не должен являться исключением, и его ядерное оружие и военная ядерная программа, как недавно отметило МАГАТЭ, должны быть поставлены под контроль и затем демонтированы, вероятно, имея в виду как промежуточное решение формирование зоны, свободной от ОМУ на Ближнем Востоке..

В-пятых, говоря «Ливия», мы теперь трижды должны подумать «Пакистан».

Пакистан – это сегодня главное государство-распространитель в мире. Следы от его ядерных технологий видны в Северной Корее, Иране, теперь в Ливии. Кому советовали его *ядерные умы* – еще предстоит разобраться. Последние поставки Пакистана в Ливию, судя по всему, имели место уже после 11 сентября 2001 года, когда США строго-настрого предупредили президента Мушаррафа от недопустимости *делиться* ядерными технологиями и получили от него соответствующее обещание. Пакистан - государство нестабильное, слабое, где центральное правительство не контролирует значительные территории и где международные террористические организации встречают сочувствие. Можно ли и дальше международному сообществу мириться с ядерным Пакистаном-пролиферантом?

И, наконец, *в-шестых*, решение Ливии, точнее, то, как она пришла к нему, – это урок и для России.

Россия не может оставаться в стороне от решения насущных, конкретных вопросов борьбы с распространением ОМУ в мире. Это противоречило бы нашей заявленной внешнеполитической линии. Мы должны активнее использовать все остающиеся у нас традиционные связи, рычаги влияния. Удачным примером вовлечения России в решение острых вопросов распространения явилась кропотливая работа с Ираном в последние годы и особенно месяцы, во многом благодаря Москве, и уже затем Берлину, Парижу и Лондону увенчанная подписанием Ираном Дополнительного протокола в те же дни декабря, когда Ливия открывала данные о своей ядерной программе.

Нам нет смысла самоустраиваться в диалоге с такими нашими традиционными партнерами, как, в частности, Сирия.

Но если в некоторых случаях России лучше действовать самостоятельно, то в большинстве направлений мы могли бы более плотно работать *совместно* с Соединенными Штатами. Наиболее удачным примером такого конкретного сотрудничества последних месяцев является вывоз облученного ядерного топлива с исследовательских реакторов государств Центральной и Восточной Европы (Сербия, Болгария, Румыния). География такого сотрудничества сейчас расширяется на государства бывшего СССР. Может быть, если потребуются вывозить ядерные компоненты из Ливии, Россия и США могли бы сделать это совместно, под эгидой МАГАТЭ? А некоторое смягчение интонаций в Вашингтоне по поводу Ирана позволяет заглянуть далеко вперед и – пусть сегодня это покажется фантазией – предложить поразмышлять о совместных проектах России и США по развитию мирной ядерной энергетики в Иране. Именно такое сотрудничество могло бы стать гарантией и от взаимного недоверия, и от риска возникновения тайных военных ядерных программ.

Владимир Орлов – директор ПИР-Центра